

Игорь Орлав

До следующей перезагрузки

КодМы

Социальная фантастика

Игорь Орлав

До следующей перезагрузки

<https://litres.ru/74582964>

SelfPub; 2026

Аннотация

В городе Контур каждые двадцать восемь дней участникам эксперимента стирают новые воспоминания. Бумага, вещи и письма к себе остаются. Ася и Тимур собирают коллекцию городских звуков и договариваются встретиться после перезагрузки. Но оставленная инструкция не возвращает доверия, а забота легко превращается в чужое расписание. Смогут ли они сохранить дружбу, если разрешат друг другу не выполнять прежние обещания?

Содержание

1. Вещь, которая вздыхает	5
2. Непригодный материал	11
3. Место для чужих вещей	18
4. Второй день, пять часов	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Игорь Орлав

До следующей перезагрузки

Это художественное произведение. Персонажи, город и технология изменения памяти вымышлены.

1. Вещь, которая вздыхает

Ася прижала винт к полу носком ботинка. Зелёная дверца в чужих руках съехала набок, и она подхватила её прежде, чем мужчина успел выругаться.

— Держите справа. Нет, вы справа. Я слева.

Он послушно сменил хват. Дверца оказалась крышкой старой жестяной хлебницы, а человек под ней — высоким мужчиной в очках, сползших на кончик носа. Между его бровями стояла складка сосредоточенного недовольства.

— Она была целой, — сказал он.

— Пока вы не решили проверить?

— Пока не решила высказаться.

Ася поставила хлебницу на широкий стол. Краска по краю облупилась до серебристой полосы. Из боковой петли торчал погнутый стерженёк, второй винт держался хорошо. Она забрала первый из-под ботинка и положила на ладонь мужчине.

— Выкрутился. Резьба ещё есть.

Он поднял крышку, придерживая её у петли. Та протяжно скрипнула и закончила коротким стуком.

— Вот. Ради этого.

— Вздыхает как человек, которого попросили начать сначала.

Мужчина посмотрел на неё поверх очков.

— По собственной воле или по служебной необходимости?

Ася засмеялась. После трёх дней вводных занятий она не ожидала, что кто-то в Контуре спросит об этом без планшета для фиксации ответа.

У неё самой планшета не было. В кармане лежал сложенный служебный лист, а в руках — папка с заданием разобрать бумажные вещи в Зале прибытия. Зал стоял у бывшего причала, и через незастеклённую внутреннюю дверь тянуло речной сыростью. Там, где когда-то работала касса, сохранилось окошко с полочкой, затёртой локтями. На южном окне белели следы снятых наклеек. В пыли на подоконнике кто-то нарисовал пальцем четыре лодки.

— Мне сказали, вы из предметной группы, — объяснил мужчина. — Я Тимур.

— Ася. Я из бумажной. Если хлебница бумажная, я сильно ошиблась с профессией.

Он показал на шкаф за перегородкой. Шкаф запирался на медный крючок, возле которого висел карандаш на нитке.

— Это вам. А хлебница из общей коллекции. Хотел сделать запись, пока она не стала совсем тихой.

На столе лежал маленький регистратор звука. Рядом с ним Тимур разложил отвёртки на чистом лоскуте. Ни одной отвёрткой он ещё не воспользовался.

Ася открыла шкаф. Два нижних ящика были заполнены рулонами, на верхней полке лежали билеты, схемы при-

чалов и большие почтовые конверты с надписью «Разное». Обещанного рабочего света не оказалось. Она поискала выключатель, оглянулась на солнечное пятно перед Тимуром и спросила, можно ли взять край стола.

Он молча передвинул инструменты. Потом передумал и освободил половину.

Павел, смотритель зала, пришёл, когда у них уже стояли рядом два разных стула: тяжёлый, с прямой спинкой, и лёгкий кухонный. На тяжёлом удобнее было сидеть Асе. Павел проверил, не включили ли они удлинитель под кассой, который включать запрещалось, дал ключ от уборной и выслушал про хлебницу.

— Мелочь делайте. Крыша, проводка, высокие окна — мои люди. Лестницу не брать. И к шести закрываю, у меня дальше другой причал.

Он говорил без нажима, словно перечислял, что лежит в ящиках. Тимур спросил, можно ли оставить аппаратуру.

— Можно. Но в последний день программы сюда приходит речное хозяйство. Им нужны столы для диспетчеров. Это вы помните?

— Мы пока вообще всё помним, — сказала Ася.

Павел не улыбнулся: возможно, эту шутку ему уже говорили.

Ася помнила светлую комнату, в которой вчера в шесть вечера сделали её базовую запись. Помнила вопросы, сведения об отказе от участия, собственную подпись. Из той ком-

наты она вышла с ощущением, будто сдала в ремонт совершенно исправную вещь. Всё до восемнадцати часов теперь должно было оставаться с ней при каждом возврате. Всё после — исчезать. Впереди было четыре цикла по двадцать восемь суток: три возврата в шесть утра на границах циклов, а после четвёртого — обычная жизнь, без новой процедуры. Она внимательно слушала на занятиях и могла пересказать правила, но пока не находила в своём обычном утреннем голоде ничего, что относилось бы к этой процедуре.

Через площадь, над входом в столовую, висела узкая стеклянная полоса. Двадцать восемь прямоугольных окошек светились янтарным. Рядом стояла маленькая белая единица, под полосой обычные часы показывали одиннадцать семнадцать. Завтра в шесть утра верхнее окошко погаснет. Последнее останется на двадцать восьмые сутки.

Ася поймала себя на том, что сверяет время по телефону: странные часы казались ей чужим праздничным украшением.

— Я до обеда, — сказала она Тимуру. — Потом нужно купить губку и чайник.

— Чайник вы заберёте с собой?

— Куда?

Он кивнул в сторону часов.

— В следующий круг.

— Он и так там будет. Я не заберу только воспоминание о магазине.

Тимур поправил очки. У висков в его густых тёмных волосах было по серому пятну.

— Значит, надо хороший. Выбирать заново не придётся.

Через полчаса он починил петлю. Хлебница сохранила свой тяжёлый вздох, но больше не разваливалась. Ася разобрала пачку причальных схем. Бумага была плотная, ломкая по сгибам; карандашные исправления оставляли серые отпечатки на обороте соседних листов. Она предложила перекладывать их тонкой бумагой, пока не найдутся подходящие папки. Тимур стал резать прокладки, однако уже после второй положил ножницы.

— Я могу держать линейку. Резать так, чтобы вас не огорчать, не могу.

— Это хорошо, что вы выяснили на второй.

Она показала, какой край оставлять свободным, и он перестал торопиться. Вскоре они нашли схему давно исчезнувшего причала. От него отходил нарисованный синим маршрут, упиравшийся прямо в склад на нынешнем берегу. Тимур принёс из своего рюкзака яблоко, разрезал его на чистой крышке контейнера и поделился. Ася рассказала, что автор схемы сначала провёл реку, а потом добавил к ней сушу: через тонкую заливку проступала непрерывная водяная линия.

— Человек верил, что река справится.

— Река справилась, — ответил Тимур. — Причала нет.

Она пододвинула к нему лист, чтобы он сам увидел. Он наклонился близко, но не взял бумагу за угол — заметил, как

она это делает. Асе понравилась эта внимательность. Обычно приходилось объяснять.

К часу Тимур снова поставил хлебницу перед регистратором. Ася попросила подождать, пока она уберёт шуршащие прокладки. Он предложил ей самой открыть крышку.

— Почему я?

— Вы точно знаете, чего её попросили.

Она подняла зелёную ручку. Скрип в пустом зале оказался неожиданно большим, будто в соседней комнате кто-то со вздохом сел за работу. Тимур протянул Асе вторые наушники. В записи слышались и петля, и далёкий гул за окном, и её собственное негромкое «сейчас». Голос был до неприятного деловитым.

— Уберите это «сейчас».

— Можно. Только тогда хлебница будет вздыхать по собственной инициативе.

Ася оставила как есть.

Она задержалась до половины третьего. В магазине нужного чайника уже не было, пришлось купить синий, слишком большой для одного человека. Вернувшись в комнату, она записала в календаре: «Четвёртый день, десять, зал. Принести нож». Потом добавила «для бумаги»: ей ещё предстояло привыкнуть, что собственные записи когда-нибудь начнёт читать человек, не помнящий сегодняшнего дня.

2. Непригодный материал

На четвёртое утро Тимур нашёл Асю у служебной двери столовой. Она прислушивалась к гружёной тележке, которую кухонный работник катил по стыку двух плит.

— Там два удара, — сказала она, не здороваясь. — Второй обиженный.

— Задние колёса тяжелее идут.

— Я говорю, как он называется.

Тимур хотел предложить назвать файл номером точки и временем, но оставил это при себе. Они выбрались из зала по его предложению: собирать звуки города, пока раннее лето не сменилось чем-нибудь более шумным. У Аси был свободный день. Она принесла ножницы и рулон узкой бумаги, потому что всё ещё собиралась после прогулки вернуться к схемам. Тимур взял регистратор, запас питания и две пары наушников.

Работник столовой согласился прокатить тележку ещё раз, но сначала спросил, долго ли придётся стоять. Ему нужно было до завтрака довести чистую посуду. Тимур сказал, что хватит минуты, и управился за сорок секунд.

Ася это отметила:

— Серьёзная профессия. Мне на работе говорят «на минутку» и оставляют семейную переписку за семьдесят лет.

На причале они пытались записать стук ослабленной ме-

таллической таблички. При каждом порыве ветра та касалась трубы. Звук был короткий и тонкий. Стоило включить запись, как ветер стихал, а на другом берегу начинал работать мотор. Ася отворачивалась, чтобы не рассмешить Тимура. Он знал это по движениям её плеч.

— Можно постучать самим, — предложила она.

— Тогда напишем: табличка, которую стучат сами.

— Прекрасное название. Подходит для учреждения.

Она ударила по металлу костяшкой пальца и тут же приложила палец к губам. Табличка, казавшаяся на ветру лёгкой, оказалась неприятно твёрдой. Тимур убрал прибор. У них не было задачи, за невыполнение которой кто-то снизил бы оплату: звуковую затею они придумали сами, вне своих экспериментальных обязанностей. Это почему-то делало утренние неудачи смешнее.

У воды Ася подняла плоский камень с отверстием. Тимур попытался в него свистнуть, но только смешно вытянул губы. Она попробовала тоже и добилась такого же молчания. Камень взяли с собой: вдруг при другом ветре он всё-таки зазвучит. Позднее Ася положила его на карточку с надписью «Свисток для ветра, который опаздывает». Тимур возражал, что ветер пока никто не приглашал. Она ответила, что теперь приглашён.

Они прошли вдоль берега, остановились возле лестницы с полыми деревянными ступенями. Ася послушала шаги Тимура, потом заставила его встать на третью снизу.

— Здесь она отвечает позже.

Он покачался с пятки на носок.

— Под ней зазор.

— Вы всё время портите мне характеры объяснениями.

— А вы даёте характеры неисправностям.

Но запись он сделал. И ещё одну — как лестница звучит, когда по ней спускаются двое, стараясь не попасть в ногу. На третьем проходе они всё-таки попали и остановились, смеясь оттого, что простое дело не получалось по требованию. Наверху открылась дверь. Женщина с ведром попросила не испытывать лестницу до полного разрушения. Ася извинилась без оправданий и помогла ей донести ведро до водостока.

В зале Тимур подключил регистратор к колонке. От первой записи до последней тянулось глухое шуршание. Ни теплежки, ни ступеней.

Он перемотал назад, проверил ещё раз. Ветер. Удар по корпусу. Чьи-то обрезанные согласные. Весь их великолепный обход записался на микрофон, остававшийся в кармане его куртки. Прибор выбрал внешний вход, и Тимур, привыкший проверять чужие соединения, пропустил своё.

— Что-нибудь есть? — спросила Ася.

— Подкладка.

Она терпеливо прослушала ещё минуту.

— Хорошая. Ровная.

Он начал говорить, что обычно такого не допускает, но увидел её лицо и замолчал. Ася не утешала его и не ждала

объяснений. Ей было жаль конкретных звуков, точно так же, как ему.

— Тележку мы найдём завтра, — сказала она. — Человека с ведром лучше не тревожить.

Тимур вынул внешний микрофон, записал тишину зала и проверил результат. В тишине тикали часы Павла и перекликались птицы за южным окном. Всё работало. Он сделал на разёме яркую метку, а Ася тем временем аккуратно вывела на бумажной полоске: «Утро внутри куртки. Непригодный материал».

— Это вы зачем?

— Самая длинная наша запись. Заслужила.

Он сохранил файл.

На следующий день они записали тележку правильно. К лестнице вернулись после обеда: хватило одного спуска, а Тимур проверил звук прямо на месте. Через два дня женщина с ведром сама позвала их послушать пустую бочку под дождевой трубой: дожди только обещали, но капли из кра-на уже звонко падали на дно. Ася принесла ей фотографию лестницы с подписью, которую придумала: «Третья ступень имеет особое мнение». Женщина смеялась, а потом попросила не писать её адрес, если это будут где-то выставлять. Тимур убрал адрес из имени папки.

К девятому дню на столе у окна образовался небольшой ряд предметов. Хлебница, тяжёлая связка старых ключей, жестяная коробка, которую было приятно закрывать ладо-

нюю. Ася делала подписи на плотных карточках и прикрепляла так, чтобы не портить краску. Тимур учился по звуку отличать нож для бумаги от ножниц: она называла это проверкой пригодности сотрудника.

Однажды он положил на её половину стола чашку. Ася молча подняла её и поставила на подоконник.

— Даже пустую нельзя?

— С мокрым дном нельзя.

Он принёс из дома два пробковых кружка. Ася сказала, что это образцовая реакция и теперь ей не на что жаловаться. Потом посмотрела на второй кружок и налила ему чай.

Синий чайник жил уже здесь. Ася вскипятила для себя слишком много воды три раза подряд и решила, что в зале от него больше пользы. Возле вилки она приклеила бумажку: «Павел разрешил. Розетка справа». Тимуру нравилась обстоятельность этой короткой фразы. Разрешил конкретный человек, включать следовало в определённом месте; ни одного обещания, что мир вообще устроен безопасно.

Они пили чай и слушали собственную запись дождевой бочки — пока ещё без дождя. В наушниках отдельная капля звучала так, будто падала с большой высоты в пустую пещеру.

— У вас дома можно так сидеть? — спросил Тимур.

— Как?

— Не спасать ничего от чая.

Ася подумала.

— Дома можно. В мастерской нельзя. Поэтому там не с кем.

Она объяснила, что сначала работала в большом помещении втроём, потом ушла в маленькую мастерскую возле своего дома. Было удобно, тихо, никто не переставлял грузики с нужных мест. Два года она считала, что именно об этом мечтала. Клиенты звонили, работа находилась; повода менять всё снова не возникало.

— И что не так?

— Не знаю. Потому и приехала. Иногда мне кажется, я просто слишком удачно устроила, чтобы мне никто не мешал.

Тимур не стал говорить, что понимает. В закрывшемся клубе, где он работал последние годы, ему мешали все. Стены дребезжали, директор экономил на кабеле, артисты опаздывали, соседи просили сделать тише, а зрители — громче. Когда последний концерт отменили, он сперва почувствовал облегчение и лишь потом понял, что на следующий вечер ему некуда идти.

Он рассказал об этом Асе. Она спросила, оставил ли он себе какой-нибудь звук клуба.

— Зачем?

— Ну, вы же это делаете.

Ничего он не оставил. Даже пустой зал не записал, хотя ключи сдавал последним. Он мог бы включить аппаратуру и послушать, как гудят старые вентиляторы, как откликается

сцена на один шаг. Но ему хотелось закончить и выйти.

— Я вообще плохо заканчиваю, — сказал он. — Или раньше ухожу, или пересиживаю.

Ася пододвинула к нему хлебницу.

— Эту закончили.

— У неё две петли. Невелик масштаб.

— Для неё вполне.

Он улыбнулся. Они включили подряд все пригодные записи и начали расставлять их так, чтобы одна не заглушала другую. Спорили из-за бочки, переставили её в конец, вернули в середину. Уже у двери Ася предложила устроить слушательский вечер. Тимур сразу стал считать, сколько нужно стульев.

— Сначала спросим, хочет ли кто-нибудь прийти, — оставила она.

Они написали объявление на обороте ненужной упаковки. На вопрос «что будет?» ответили: «Послушаем то, мимо чего ходим». Ася оставила внизу место для желающих. Тимур поставил первый крестик, она второй, хотя оба прекрасно понимали, что их двоих считать нельзя.

3. Место для чужих вещей

Дождь пошёл в двенадцатый день, когда Ася решила не идти в зал. Ей доставили заказанную книгу, и она собиралась провести утро в постели: читать, есть печенье, слушать, как вода стучит по наружному отливу. Она прочла семь страниц, позвонил Павел.

— Бумага у стены. Сможете показать, что сначала выносить? Крышу уже делают.

Через десять минут она стояла в коридоре зала. По дальней стене шла мокрая полоса. Тимур переносил картонные коробки на сухой участок пола, женщина в красном плаще подавала ему следующую. На шкафу лежали свёрнутые схемы, до которых вода ещё не добралась.

— Не на пол, — сказала Ася. — На стулья. Сначала большие рулоны.

Женщина в плаще поставила коробку и протянула ладонь: — Лида. У меня предметы, у вас листы. Сейчас все ваши. Ася кивнула вместо рукопожатия: ладони у неё были заняты широким рулоном, который нельзя было хватать с одного конца. Тимур подставил руки под середину. Они перенесли схему на стол, освободив его от хлебницы и аппаратуры.

Рабочие ходили снаружи, над застеклённой галереей. Павел закрыл проход к повреждённому углу и предупредил, что

туда больше никто не лезет. Ася успела убрать всё бумажное. Один пустой короб промок снизу и разошёлся по шву; она оставила его у стены как метку, куда не ставить другие вещи.

Лида обошла шкаф, заглянула под него, потом сняла плащ. Под плащом оказался обычный фартук с большим карманом. Из кармана она достала прищепки.

— Вы носите их постоянно? — спросила Ася.

— Только когда несу бельё в сушилку. Павел перехватил.

Она закрепила плёнку над уже пустыми полками. Вода перестала капать на дерево и стала собираться в таз. Тимур прислушался и достал регистратор.

— Это сейчас обязательно? — спросила Ася.

Он посмотрел на её мокрые рукава и сразу убрал прибор.

— Нет. Что ещё?

— Принесите сухую ткань. Под рулоны.

Потом она жалела, что сказала так резко. Запись заняла бы меньше минуты. Но в эту минуту ей было важно, чтобы человек держал с ней бумагу, а не выбирал расстояние до таза. Когда всё лежало на сухом и Павел принёс им полотенца, она сама достала прибор из Тимурова чехла.

— Запишем. Только уберите мой голос.

— Опять командуете хлебницей?

— Теперь осадками.

Лида села на кухонный стул и закрыла глаза. Тимур подал ей наушники. Она прослушала несколько секунд, сняла и сказала, что в тазу дождь скучнее, чем в жизни.

— В жизни к нему прилагается работа, — объяснила Ася.

В тот день им пришлось долго оставаться внутри. Рабочие ждали, пока стихнет ливень; посетители столовой забежали в зал от воды, спрашивали, можно ли переждать. Павел разрешил, если не трогать ограждение. Тимур включал желающим записи, а Ася выдавала по одной вещице со стола: потрогать ключ, закрыть коробку, поддержать деревянный обломок ступени, который им отдал плотник после ремонта лестницы.

Небольшой сеанс сложился сам. Никто не рассаживался рядами, люди подходили и уходили. Один мужчина узнал тележку столовой раньше, чем Тимур успел назвать запись. Девушка утверждала, что слышит море; потом сняла наушники и призналась, что никогда не была на море. Лида спросила, почему бы не устроить так и большой вечер — без сцены и без выступающих.

Ася записала это предложение на обороте объявления. Девять крестиков внизу успели превратиться в четырнадцать.

На следующий день Павел показал сухую стену. Пустой испорченный короб убрали, на штукатурке осталось тёмное пятно. Его нельзя было снять вместе с записью дождя. Лида протёрла свой шкаф и подписала новые места вещей: зелёная хлебница, например, числилась за коллекцией, а не за Тимуром, как Ася почему-то уже привыкла думать.

— Пока берите сколько нужно, — сказала Лида. — Потом я должна знать, куда она делась.

К семнадцатому дню Тимур принёс набросок вывески. На ней было написано «Музей исчезающих голосов». Буквы он вывел печатные, неровные, и Ася сперва оценила, сколько работы потребуется, чтобы перенести их на плотную основу.

Потом перечитала.

— Голосов у нас почти нет.

— У вещей тоже голос.

— А исчезать им зачем? Мы половину починили.

Ему название нравилось. Это было видно по тому, как он держал лист за два нижних угла, не кладя на стол. Ася предложила «Комнату тихих звуков». Тимур сказал, что зал слишком большой для комнаты, а бочка совсем не тихая. Спор шёл ещё минут пять, пока она не заметила под вывеской расписание. Каждый будний день с трёх до пяти — прослушивания. Ответственные: А. Белова, Т. Ланской.

— Вы меня уже назначили?

— Это черновик.

— Меня в черновике тоже не было.

Тимур поставил лист к стене. На нём ровно отогнулся правый край: бумагу раньше хранили в рулоне.

— Я думал, нам обоим интересно.

— Мне интересно. Завтра я хочу читать дома. Я для этого сюда тоже приехала.

Он снял очки и протёр переносицу. За последние дни они привыкли, что другой почти всегда здесь. Ася и сама не замечала, как посматривала на дверь, задержись он на час. Те-

перь эта привычка лежала перед ней на бумаге, превращённая в обязанность.

— Вы могли просто сказать, — произнёс Тимур.

— А вы спросить.

Разговор сделался неприятным, хотя оба ещё удерживались от неприятных слов. Ася взяла новую карточку и написала два дня, когда согласна была сидеть с посетителями. Не вписала имя Тимура. Пододвинула лист ему.

Он долго смотрел, затем дописал свои дни. Два совпали с её днями. В один получалось работать ему одному.

— Я не умею объяснять про бумагу.

— Значит, в этот день не будете. О ней можно и не объяснять.

Они убрали слово «ответственные», написали «встречают» и оставили в расписании два совершенно свободных дня. Вывеска всё-таки стала «Комнатой тихих звуков». Тимур согласился после того, как Ася предложила не торжественную надпись над входом, а небольшую карточку на столе. Её можно было заменить, если название перестанет подходить.

Назавтра Ася читала дома. Временами она представляла, как Тимур сидит один у южного окна, и рука тянулась к телефону. Она убирала её под одеяло. Книгу она в конце концов дочитала, хоть и хуже, чем надеялась. На следующий день Тимур рассказал, что приходили только двое, зато один принёс запись скрипучих качелей. В его голосе не было обиды.

Ася почувствовала себя глупо и радостно одновременно.

В двадцатый день они задержались перед закрытием. Тимур показывал, как соединить записи короткими промежутками тишины. Ася лучше различала щелчок от нажатой кнопки и первый настоящий звук. Она поймала три лишних щелчка подряд и захотела проверить себя ещё раз.

— После возврата придётся снова, — сказал Тимур.

— Знаю.

— Можно написать порядок.

— Порядок можно. Слышать за меня он не будет.

Они выключили колонку. Тимур убрал очки в жёсткий футляр, Ася собрала обрезки карточек. Ей вдруг стало жаль не будущего вечера и даже не своих удачных подписей, а получаса, который она потратила, чтобы начать замечать лишний щелчок. Это было маленькое умение, бесполезное за пределами их стола. Она не хотела отдавать его вместе со всем остальным.

— Ты ведь можешь не возвращаться, — сказал Тимур.

Переход на «ты» произошёл так буднично, что она заметила его позднее.

— Могу. Ты тоже.

Он кивнул. Они вышли вместе. У ворот Тимур остановился послушать, как вечерний ветер заставляет плохо закреплённую калитку коротко звякать. Ася подождала его, хотя уже знала этот звук.

4. Второй день, пять часов

Перед слушательским вечером Тимур пересчитал стулья три раза. Их было двенадцать. Он перенёс из кладовой тринадцатый, вспомнил обещание Павлу не занимать проход и унёс обратно. Ася, сидевшая у окна с карточками, сказала, что посетители при необходимости постоят, поскольку пришли ушами.

— Уши прикреплены к человеку. Человеку нужен стул.

— Тогда мне не нужен. Бери мой.

Он оставил её тяжёлый стул на месте.

Пришло одиннадцать человек, включая Лиду. Павел заглядывал из двери. По просьбе Тимура он согласился закрыть зал позднее обычного и теперь делал вид, что проверяет, не перегружена ли розетка. Ася расставила на столе предметы с карточками. Хлебницу открывать пока не разрешалось: она была последней в программе.

Поначалу ничего не получалось. Люди говорили поверх записи, не зная, началась ли она. Тимур прибавил громкость, и тележка столовой загрохотала так, будто в зал въехал вагон. Он убавил звук. Кто-то спросил, нужно ли угадывать, и Тимур понял, что не объяснил даже этого.

Ася вышла из-за стола и раздала карточки лицом вниз.

— Угадывать не обязательно. Если хотите, потом перевернёте. А сначала слушаем вместе.

Она села на край подоконника. В запущенной заново записи деревянная лестница отвечала шагам. Теперь в зале было тихо. Тимур видел, как мужчина в первом ряду покачивает ногой, попадая в их записанный темп. На третьей ступени тот остановился. Сидевшая рядом женщина посмотрела на него и улыбнулась.

После лестницы никто не захлопал. Это оказалось приятно: Тимур боялся привычного концертного порядка, в котором тишину полагалось заполнять одобрением. Один слушатель сказал, что у бабушки крыльцо скрипело иначе, выше. Другой попросил повторить конец.

Бочку включили дважды. Запись дождя в тазу — один раз: Лида сказала, что ей этого уже достаточно. Ася показала ей пустой стул и предложила при необходимости слушать из коридора. Они говорили как люди, знающие одну небольшую неприятность на двоих, и остальные стали спрашивать, что тут произошло. Тимур рассказал о крыше коротко, чтобы не превратить следующее прослушивание в благодарственную речь.

Потом Ася неожиданно взяла его наушники и предложила запись, которой в программе не было. «Утро внутри куртки» прошло по кругу. Слушатели слышали глухое шуршание, ждали, что из него что-нибудь возникнет, и начинали смеяться, прочитав карточку. Тимур слушал вместе со всеми. Ему казалось, что это будет стыдно, однако почему-то хотелось, чтобы запись дослушали до конца.

Хлебницу открыла женщина из столовой. Она узнала модель и сказала, что у неё была голубая. Крышка вздохнула. Впервые за вечер смеялись все, включая Павла.

После люди не сразу ушли. Кто-то хотел переписать названия, кому-то понадобился номер файла со ступенями. Тимур объяснял, где лежат доступные записи, Ася показывала, как держать ломкую старую схему. Ни один человек не предложил отдать им здание навсегда. Зато Павел разрешил оставить стулья до утра.

Когда дверь закрылась, Тимур сел на тринадцатый стул, всё-таки принесённый из кладовой. Ася поставила между ними тарелку с печеньем. Одно было надломлено, и она отдала ему половину побольше.

— Хорошо? — спросила она.

— Да.

Он мог бы перечислить, что нужно исправить: задержку в начале, гул колонки, собственную путаную речь. Но Ася спрашивала о другом. Они съели печенье, и он повторил:

— Очень хорошо.

На городских часах оставалось пять янтарных окошек.

В двадцать седьмой день они пошли в Дом записей за конвертами. Вера Зотова сидела за столом у открытого шкафа. Серебристая коса была перекинута через плечо, на руке лежала катушка тонкой бечёвки. Она вязала стопки чистых папок.

— Один конверт каждому за цикл, листов сколько нужно.

Мелким почерком мучить себя не требуется.

Тимур спросил, когда письмо выдадут.

— Не выдадут. Ячейка откроется браслетом с первого утра. Подойдёте, когда захотите.

— А если не захотим?

— Пролежит. Старые конверты тоже останутся. Можно забрать, оставить, открывать в любом порядке.

Вера показала пустую официальную оболочку: имя, номер цикла, отметка приёма. Проверить, что письмо действительно его, будущий Тимур сможет. Узнать по оболочке, прав ли написавший, — нет.

— Вы будете читать? — спросила Ася.

— Нет. Если потребуется помощь, зовите до того, как заклеите.

— А напомнить человеку зайти сюда можно?

Вера посмотрела на Тимура.

— Напомнить о доступе напомнят всем. Прочитать за него и заставить его читать нельзя. Даже по его нынешней просьбе.

Тимур повертел конверт. Ему хотелось придумать такой первый абзац, который наверняка заставит его продолжить. Обычные записи можно было оставить в комнате, но там их легко не заметить, а личная ячейка представлялась надёжной: специальное место для самого важного.

На обратном пути Ася купила две булочки. Они съели их на лавке у зала, стряхивая крошки с чистых конвертов. Ти-

мур предложил встретиться во второй день нового цикла. Первое утро уйдёт на факты, проверку допусков, собственное непонимание.

— В пять, — сказала Ася. — Здесь. И во всех следующих тоже.

— А если один не придёт?

Она посмотрела на тёмную воду между досками причала.

— Второй зайдёт за ним. Мы же будем знать, где живём.

— Не сердиться сразу.

— Не сердиться. Объяснить.

Они договорились продолжать комнату и устраивать вечер в конце каждого цикла, если получится. Тимуру хотелось услышать более твёрдое обещание, но он согласился на Асино «если». Она предложила написать друг другу по отдельной записке; он подумал и сказал, что собственному почерку, наверное, поверят скорее. Тогда каждый должен написать себе о другом. Не просто адрес и время: объяснить, почему стоит прийти.

Дома Тимур сел за стол. Брат Денис звонил вечером, спрашивал, всё ли спокойно. Тимур сказал, что да, и записал звонок в календарь: он не хотел, чтобы через несколько дней Денис снова рассказывал о протечке на кухне, не понимая, почему брат не помнит. К письму Тимур вернулся с неприятным ощущением, что забывает людей заранее.

Он написал:

«Ты умеешь работать со звуком. Этого тебя не лишили.

Но проверь, какой вход выбран: в этом месяце я записал прекрасную подкладку вместо целого утра. Аппаратура в зале, Павел знает. Дорогие вещи не оставляй на солнечном подоконнике. Очки в жёстком футляре, а не потерялись.

Во второй день в пять часов иди в Зал прибытия. Там будет Ася Белова. Она реставратор, коротко стрижена, часто щурится, прежде чем засмеяться. Не шуми возле её бумаги и не ставь чашки на стол без подставки. Если она молчит, не спрашивай немедленно, что случилось. Иногда она просто смотрит на вещь. Печенье к чаю лучше брать несладкое, она такое любит.

Мы сделали комнату звуков. Она смешная и настоящая. Ты не помнишь, как мы бегали по лестнице, как спасали схемы, как слушали дождь и спорили из-за названия. Но это было. В конце вечера мне не хотелось быстрее закрыть дверь и уйти. Я давно не знал такого чувства.

Если она не пришла, помоги ей вспомнить, чего мы хотели. Объясни по нашим записям. Вспомнить — неправильное слово, я знаю. Я боюсь, что ты решишь: раз не помню, значит, не нужно. Это будет ошибка. Дай нам хотя бы несколько дней. Ты слишком часто уходил, когда что-то могло получиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.